

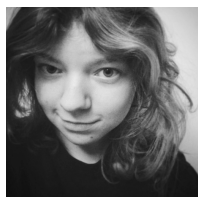

СУДЬБА

ДЕМОНИЧЕСКОЕ НАЧАЛО В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО “ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ”

© 2017

Ю.И. Щербина

**Щербина
Юлия**

Ивановна — аспирант Школы философии Факультета гуманитарных наук Научного исследовательского университета — Высшая школа экономики (НИУ-ВШЭ), стажер-исследователь Международной лаборатории исследований русско-европейского интеллектуального диалога. В журнале “Человек” публикуется впервые. E-mail: juliamyth@gmail.com

Статья подготовлена с использованием финансовых средств в рамках программы государственной поддержки ведущих университетов РФ “5–100”.

Вопрос о том, почему Раскольников намеревается убить и убивает старуху, на первый взгляд кажется решенным. В литературе существует несколько убедительных концепций о его мотивах. Как пишет Ю. Карякин, «доминирует (пока) концепция двойственности мотивов: один мотив “негативный” (Наполеоном хотел стать), другой — “позитивный” (хотел добра людям). Есть идея “многослойности”, “полимотивности”, когда находят три, четыре и даже пять мотивов. Эта идея, однако, не выходит за рамки концепции двойственности, поскольку каждый из мотивов тяготеет к тому или иному полюсу» [4, с. 4]. Оба мотива — негативный и позитивный — неотделимы друг от друга. Ведь именно способность быть Наполеоном, то есть быть избранным, особенным, и, вследствие своей особенности быть способным убить старуху, обеспечивает дальнейшую возможность принести благо людям. Однако эта концепция не учитывает того факта, что мысль убить старуху не принадлежит Раскольникову, а о его теории разделения людей мы узнаем только в середине книги [9]. Поэтому можно сделать предположение, что оба обсуждаемых мотива не играют в убийстве ключевой роли. По меткому замечанию В.К. Кантора, “о необходимости убийства Раскольников слышит <...> как мысль, разлитую в обществе” [3, с. 31]. Действительно, Раскольников слышит идею об убийстве старухи от совершенно посторонних ему людей — студента и офицера, — в кабаке, куда сам Раскольников заходит абсолютно случайно:

“Нет, вот что я тебе скажу. Я бы эту проклятую старуху убил и ограбил, и уверяю тебя, что без всякого зорю совести, — с жаром прибавил студент.

Офицер опять захотел, а Раскольников вздрогнул. *Как это было странно!* <...>

— Слушай дальше. С другой стороны, молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки, и это тысячами, и это всюду! <...> Убей ее и возьми ее деньги, с тем чтобы с их помощью посвятить потом себя на служение всему человечеству и общему делу: как ты думаешь, не загладится ли одно, крошечное преступленьице тысячами добрых дел? За одну жизнь — тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен — *да ведь тут арифметика!* Да и что значит на общих весах жизнь этой чахоточной, глупой и злой старушонки? Не более как жизнь *вши, таракана*, да и того не стоит, потому что старушонка вредна. <...>

— Вот ты теперь говоришь и ораторствуешь, а скажи ты мне: убьешь ты сам старуху или нет?

— Разумеется, нет! Я для справедливости... *Не во мне тут и дело...*” [2, с. 81–82].

Обратим внимание на некоторые слова студента. Во-первых, фраза “убей ее и возьми ее деньги”, которая затем продолжается речью о том, сколько жизней можно спасти, произносится в императивной форме, то есть звучит как приказание. Раскольников, которому противна старуха и к которому уже закралась схожая со студентом мысль, поражен этим неслучайным совпадением. Эта фраза становится подтверждением его интуиции, даже в некотором смысле общественным одобрением. Напомним, что Родион хоть и умный молодой человек, но в то же время чрезвычайно восприимчивый к происходящим вокруг событиям. Вместе с тем, когда офицер прямо задает студенту вопрос, убил бы он сам старуху или нет, тот отвечает: “разумеется, нет... Не во мне тут дело”. Такая пылкая убедительная речь и вдруг оказывается, что дело не в студенте! Значит, в ком-то другом? Как мы видим по дальнейшему тексту и событиям романа, дело в самом Раскольникове.

Эта обширная цитата — один из ключевых моментов для понимания того, как в сознании Раскольникова укрепляется идея об убийстве старухи. Тем не менее, появившись и усилившись, она не укореняется в нем раз и навсегда: Раскольникова одолевают сомнения. Он не только был испуган собственными мыслями об убийстве, последние были ему противны и буквально противоречили тому, каким человеком он сам себя считал: “О боже! как это все *отвратительно!* И неужели, неужели я... нет, это вздор, это нелепость! <...> *И неужели такой ужас мог прийти мне в голову?* На какую грязь способно, однако, мое сердце! Главное: грязно, пакостно, гадко, гадко!..” [там же, с. 38].

Мысли о том, что он просто не сможет убить старуху, посещают его и после чудовищного, наполненного кровавыми подробностями сна о жестоко забитой Миколкой лошади. После него Раскольников восклицает: “Да что же это я! <...> Чего же я еще до сих пор сомневался? Ведь вчера же, сходя с лестницы,

СУДЬБА

я сам сказал, что это подло, гадко, низко, низко... ведь меня от одной мысли наяву стошнило и *в ужас бросило*... <...> Нет, я не вытерплю, не вытерплю! Пусть, пусть даже нет никаких сомнений во всех этих расчетах, будь это все, что решено в этот месяц, ясно как день, справедливо как арифметика. Господи! <...>покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!” [там же, с. 77].

Раскольников абсолютно *потрясен* тем, что идея убийства могла появиться в его голове, что он мог оправдать ее в своих размышлениях. Он понимает, что даже если его расчеты верны и этим убийством он сможет принести пользу сотням людей, человеческая жизнь все же не может быть уничтожена во благо других, ибо это ужас и безумие. Чувства сталкиваются с холодным расчетом. После этого осознания Раскольников ощущает себя свободным, “точно нарыв на сердце его, нарывавший целый месяц, вдруг прорвался” [там же]. Но, несмотря на осознание и ужас, охвативший Раскольникова, а затем и на вдохновение свободы, посетившее его, он все же убивает старуху. Двойственная концепция мотивов не отвечает на вопрос, почему Раскольников все же совершает убийство, ведь он уже отказался от этой мысли, поняв и приняв ее чудовищность. На наш взгляд, причиной убийства становится не рациональная теория и не искусственное¹ желание помочь другим. Причиной становится нечто другое, что превосходит героя Достоевского, что оказывается ему трансцендентно и одновременно содержится в его душе в качестве потенции — демоническое начало.

* * *

Как показывает В.К. Кантор, “вообще демоническое начало в этом романе прописано довольно точно, но это не буквальный черт, как в “Братьях Карамазовых”, а словно некие магические силы, отключающие разум героя, напоминающие лешего, заманивающего путника в чашу” [3, с. 31]. Все события, которые в итоге приводят Раскольникова к убийству, совершаются случайно, внезапно, вдруг. Он *вдруг* слышит разговор студента и офицера, *вдруг* узнает о том, что Лизаветы, сестры старухи, не будет дома. И также *вдруг* понимает, что никакой свободы у него более нет: “До его квартиры оставалось только несколько шагов. Он вошел к себе, как *приговоренный к смерти*. Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что *нет у него более ни свободы рассудка, ни воли* и что все вдруг решено окончательно” [2, с. 79]. О влиянии неких таинственных, не оформленных во что-то конкретное сил говорит и следующий эпизод: “Но Раскольников в последнее время стал суеверен. Следы суеверия оставались в нем еще долго спустя, почти

¹ Мы называем желание Раскольникова помочь людям через убийство старухи “искусственным”, потому что оно скорее продиктовано обидой и чувством несправедливости, нежели искренним пониманием, что это могло бы что-то изменить. По сюжету романа Раскольников не раз помогает другим (взять ту же семью Мармеладовых), но не рассуждает о благодати собственных поступков, а просто совершает их.

неизгладимо. И во всем этом деле он всегда потом склонен был видеть некоторую как бы *странность, таинственность, как будто присутствие каких-то особых влияний и совпадений* [там же]. Главный герой словно окружен чем-то превосходящим его, что подчиняет волю и искушает. Ведь в самой идее убийства есть определенный соблазн. И цепочка как будто случайных событий приводит Родиона к воплощению идеи. Более того, если до момента понимания, что Лизаветы не будет дома, он ощущал себя свободным и почти счастливым оттого, что ему не придется никого убивать, то после этого случайного эпизода Раскольников чувствует опустошение. У него более нет выбора и надежды, он приговорен к тому, чтобы убить. Если бы Раскольников действительно совершил убийство, основываясь лишь на своей теории, у него не было бы ощущения, что он в оковах и что “все решено окончательно”. Другой персонаж Достоевского, готовый прервать жизнь (правда, не чужую, а собственную), Алексей Кириллов, поглощен своей теорией от начала и до конца. В отличие от Кириллова, Раскольников не думает о своей теории ни до, ни после убийства, сосредотачиваясь на самом преступлении: он, конечно, забирал некоторые ценные вещи из квартиры старухи, но совершенно не обдуманно, а после этого и вовсе не использует их, прячет и старается об этих вещах забыть. Мысли о том, особенный он или нет, посещают его будто мельком, хотя и присутствуют в повествовании и даже в признании Раскольникова Сонечке Мармеладовой. Тем не менее, и самого Родиона, и Соню ужасают не специфика теории, а сама мысль о лишении человека жизни, то есть о пренебрежении жизнью другого. Герой Достоевского словно оказывается в плену того, чего он и сам не может объяснить. Возможно, выражением этого превосходящего начала является теория Раскольникова, но вовсе не она играет ключевую роль, а то, что позволило ей произойти в мыслях. Именно эту первопричину теории мы и называем демоническим началом.

Однако почему мы можем назвать ее именно так, а не как-нибудь иначе? В самом первом приближении демоническое — это нечто, “олицетворяющее собой зло, злое начало” [1], что-то дьявольское, сатанинское, бесовское, что противопоставляется Христу и божественному началу, содержащему в себе добро. В тексте Достоевского буквальным олицетворением демонического начала становятся хтонические существа, которые по своей сути относятся к земле и подземному царству. Они противопоставляются свету. Их появление может быть незаметно, но в то же время они присутствуют в повествовании постоянно, создавая определенное настроение сцены или события. Так, Раскольников сидит в своей каморке, похожей на *гроб*, словно *паук*; Алена Ивановна неоднократно названа *вошью*; в бреду Раскольникову видится “человек, вышедший из-под земли”, который непременно видел убийство, равно как

СУДЬБА

ему чудится, что летавшая рядом с Родионом муха тоже “все видела”. Некоторые исследователи отмечают, что «насекомые у Достоевского соседствуют обычно с героями, “усиленно со-знающими”, вроде Раскольникова» [5, с. 187]. Указывают и на то, что хтонические существа появляются в повествовании в кризисные для персонажей моменты. Жизнь Раскольникова в момент, когда его впервые встречает читатель, и все дальнейшие события до убийства и в период следствия вплоть до признания следователю — ситуации, в которых Родион находится, не просто кризисные, но пограничные. Пограничность выражается не только в сомнениях Раскольникова относительно убийства старухи, но и в его чрезвычайной бедности, которая тоже на грани, почти за чертой, и в беспокойных снах. Через них проявляется демоническое начало, которое сокрушает и подминает Раскольникова: например, сон о лошади сотрясает все его существо, доводя до ужаса. Внешний аспект демонического начала выражен конкретными упоминаниями и постоянными ссылками на что-то магическое, подземное, темное [3]. Например, старуха-процентщица неоднократно названа в тексте “ведьмой”, а сам Петербург описывается как настоящее адское место с его духотой, жарой и липким воздухом.

Еще один момент, содержащийся непосредственно в тексте и указывающий на присутствие рядом с Раскольниковым некой таинственной силы, которая влечет и искушает его, — роль слова “странно” и его производных. Как отмечает Е. Степанян, это слово часто употребляется в повествовании и только в определенные моменты. Оно может означать, с одной стороны, некую новизну (новые ощущения после убийства старухи, новое состояние души при встрече с Соней), а с другой — ситуацию, в которой Раскольников оказывается потрясенным, порой даже сломленным. Это — ситуация “на краю”, столкновение и встреча с тем, что абсолютно превосходит человека и неподвластно ему: «слово “странно” играет в романе отчасти ту же роль, что слово “allora” в “Аде” Данте. Его функция — взрывчатая, долженствующая показать читателю такой излом действительности, на котором видимым становится важнейшее, самое существенное» [8, с. 89]. Функция слова “странно”, таким образом, может указывать на встречу, говоря словами Хайдеггера, с подлинным бытием, как это происходило с фронтовыми солдатами. Отправляясь на войну и встречаясь лицом к лицу со смертью, они оказывались потрясенными, на изломе реальности, который открывал им их собственное истинное бытие, то есть важнейшее основание их существования, раскрывал им самих себя. Этот феномен, проанализированный философами XX столетия², чрезвычайно схож с религиозным опытом встречи с трансцендентным, описанным Рудольфом Отто в книге “Священное” [6]. Встречаясь с чем-то превосходящим себя, существование чего человек даже не мо-

² См., напр., статьи Э. Юнгера “Тотальная мобилизация” (1930) [10] и Я. Паточки “Войны XX века и XX век как война” (1977) [7, с. 148–169].

жет объяснить, он, прежде всего, оказывается в состоянии оцепенения и ужаса, некоторой прострации. Он замирает и не может пошевелиться, он потрясен и шокирован — мир его переворачивается с ног на голову. Заметим, что речь идет не о встрече с божественным, а именно о встрече с трансцендентным началом или существом. Нечто схожее переживает и Раскольников: эта трансцендентная сила³ не показывается в явном виде в романе Достоевского, но читатель, как и герой романа, постоянно ощущает ее присутствие. Трансцендентное словно просачивается в текст и являет себя в двух аспектах: слове “странно”, которое указывает на излом реальности, и упоминании хтонических существ, появляющихся в повествовании в моменты упадка, соблазна, тревоги. Именно это и позволяет говорить о демоническом начале в “Преступлении и наказании”. Тем не менее, религиозный ракурс проблемы — не единственно возможный.

* * *

Чешский феноменолог Ян Паточка⁴, неоднократно обращавшийся к анализу творчества Достоевского, рассматривает проблему демонического начала в своей книге “Еретические эссе по философии истории”. Он указывает на то, что техническая цивилизация, активно развивавшаяся в XIX—XX веках, “воздействует на характер человеческого существа как такового” [7, с. 121], то есть изменяет самую его суть. Мир, привычный для человека, сталкивается с новыми вызовами и проблемами, которые вместе с тем изменяют и самого человека. Паточка говорит в первую очередь о последствиях развития науки и техники: новый отсчет истории (она начинается только с началом прогресса) и постепенный упадок культуры волнуют его более всего. Упадок для Паточки — не просто моральная оценка (даже наоборот, от связки упадка и моральности он отказывается), но нечто неотделимое от существования человека, от основания его жизни и “ее интимнейшей сути” [там же, с. 122]. Как пишет автор, «упадок предопределен той жизни, которая утратила собственный внутренний нерв, ядро которой повреждено, так что якобы “полноценная жизнь” в действительности каждым шагом и действием опустошает и уродует себя» [там же].

Достоевский не застал кардинальных технических изменений и их глобальных последствий, в том числе мировых войн и революций, но он чутко относился ко всему, что происходило в обществе. Громкие убийства, нищета и бедность, лживость людей и их тревоги, склонность к самоубийству и провозглашению антиморальных идей — все это писатель обнажал в своих романах, что в дальнейшем стало критическими точками технической цивилизации. В “Преступлении и нака-

³ Здесь мы используем словосочетание “трансцендентная сила”, а не “трансцендентное начало”, чтобы подчеркнуть факт влияния трансцендентного на героя романа.

⁴ Ян Паточка — чешский философ, ученик Э. Гуссерля и М. Хайдеггера. Его наиболее известная работа — “Еретические эссе по философии истории”. Паточка рассматривает в ней основания истории, упоминая Достоевского в нескольких местах.

СУДЬБА

заний” Достоевский описывает молодого человека, ядро личности которого подвергается искушению и соблазну. Строгий рационализм приводит его к выводам, что жизнь одного, самого зашудалого человека может быть использована для блага сотен других. Эта идея, а затем и ее воплощение разъедают Раскольникова. Говоря терминами Паточки, Раскольников утрачивает свое подлинное бытие и поддается упадку, поначалу даже не осознавая, что жизнь его перестала быть полноценной. Он бросает учебу, прекращает попытки заработка, вынашивает план убийства, мучается выбором: убить или не убить, “тварь ли я дрожащая или право имею”, признаться или сохранить свою тайну... Он становится чужд самому себе. Вопросание о том, как поступить, раскалывает его: Раскольников оказывается на перепутье. Согласно Паточке, человек должен осуществлять свою жизнь, она не может быть для него самоопытной: «человек должен нести свою жизнь, он должен “справляться” с ней, “приводить себя в соответствие с нею”» [там же, с. 123]. Однако собственное бытие не является самоочевидным, поэтому и Раскольников оказывается перед выбором. Его вопрошание и осуществление поступка — та точка невозврата, после которой раскрывается его подлинное бытие, выраженное в любви к Соне и в понимании необходимости прохождения каторги, то есть тяжелого жизненного испытания, взятия на себя ответственности за совершенные деяния.

Мог ли Раскольников понять себя и свое предназначение без совершения убийства старухи и последующего признания? Этот вопрос определяет многое. В соответствии с концепцией Паточки, жизнь разделяется на повседневность (“каждодневность”) и исключительные дни, которые принадлежат совершенно иному измерению. Мы оказываемся увлечены и поглощены этим измерением, нам начинает казаться, что в него “*проникло нечто более сильное, чем наша свободная возможность, и наша ответственность, и оно дает смысл нашей жизни, иначе ей неведомый*”. Это измерение демонического и страсти, *и человек находится во власти этого измерения*” [там же, с. 124]. На определенное время теория Раскольникова заставляет его чувствовать себя значимым, потому что он хочет принадлежать к особым людям. Он поглощен данной идеей и желанием испытать и осмыслить себя. Однако он не может контролировать это желание — и убивает старуху, несмотря на понимание, что этого не стоит делать; а затем признается в совершенном преступлении. Именно демоническое ведет его к этим событиям, поскольку “демоническое является демоническим именно потому, что способно углубить самоотчуждение, на которое, с другой стороны, оно позволяет обратить внимание” [там же, с. 126].

Демоническое буквально разлито в обществе “Преступления и наказания” — неблагополучном, нищем, обозленном, где люди позволяют себе исказить друг друга как физически, так и духовно. Оно присутствует почти в каждом персонаже и окружает всех действующих лиц. Для Раскольникова это выражается, прежде всего, в потере самого себя, отчужденности от семьи и близких, в одержимости своей теорией и одновременно опустошенности, когда интереса ничто не вызывает вовсе. На демоническое как причину преступления также указывает и упадок (духовный и материальный), в котором оказался Родион. В романе содержатся и прямые указания на подземные существа, и тревожные, сатанинские сны, в которых то Миколка убивает лошадь ломом, то сам Раскольников забивает хохочущую старуху топором. Он опускается вниз, поддается искушению и, проходя через него, возрождается в любви к Соне. Демоническое становится не только соблазном и совращением, но и тем зеркалом, посмотрев в которое Раскольников оказывается в состоянии узреть свое подлинное бытие.

Ю. Щербина
Демоническое
начало в романе
Ф.М. Достоевского

Литература

1. Демонический // Толковый словарь Ожегова. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/46582>. (дата обращения: 12.05.2017).
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Л., 1977.
3. Кантор В.К. В парадигме дантовского ада. “Отец Горио” и “Преступление и наказание” // Вопр. литературы. Сентябрь–октябрь, 2014. С. 25–61.
4. Карякин Ю. Самообман Раскольникова. М., 1976.
5. Лукпанова Г.Г. Энтомологические и хтонические мотивы в романах Ф.М. Достоевского // Культура и текст. 2008. № 11. С. 186–195.
6. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008.
7. Паточка Я. Еретические эссе по философии истории. Минск: И.П. Логвинов, 2008.
8. Степанян Е. Микросюжет слова “странно” в тексте “Преступления и наказания” // XVI Symposium of the International Dostoevsky Society: Book of abstracts. University of Granada, 2016. P. 88–90.
9. Трубецкой Н.С. О двух романах Достоевского // Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / Сост. В.М. Живов. М.: Прогресс, 1995. С. 797.
10. Юнгер Э. Тотальная мобилизация // Юнгер Э. Националистическая революция. М.: Издательская группа “Скимень”, 2008. С. 191–216.